

Глава 6

ЛЕНИН: “МЫ НЕ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ ПЕРЕД ТЕМ, ЧТОБЫ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПЕРЕСТРЕЛЯТЬ...”

В заголовок вынесена часть заключительной фразы из официально до сего дня не обнародованной речи вождя. Считаю полезным привести целиком эту крупную ленинскую работу — единственную, выявленную мной не в партийном архиве, а в Центральном архиве КГБ СССР. В отдельной папочке хранится стенограмма этой речи, без указания — правлена она или нет. Впервые привел ее в своей статье в “Российской газете”, 5 февраля 1993 г. Ранее речь эта неоднократно упоминалась в многотомных партийных исследованиях. Посмотрим — до чего же далеки от истины были “лениноведческие интерпретации” этой речи! Так, в 8-м томе Биографической хроники жизни и деятельности Ленина отмечено, что 12 января 1920 г. “Ленин выступает (позднее 11 час. 45 мин.) на заседании коммунистической фракции ВЦСПС с речью о коллегиальности и единоначалии в управлении хозяйственными органами, необходимости использовать армию для решения некоторых народнохозяйственных задач. Полемизируя с противниками принципа единоначалия, Ленин говорит о необходимости сочетать коллегиальность с единоначалием — только тогда коллегиальность не превратится в болтовню бездельных людей”.

А в книге второй третьего тома восьмитомной “Истории Коммунистической партии Советского Союза” читаем: “В ряде своих выступлений Ленин обосновал вынужденность и необходимость привлечения армии для решения некоторых

народнохозяйственных задач. На заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 г. он высмеял противников использования армии на трудовом фронте, указав в то же время, что создание трудармий вызывается специфическими условиями первых месяцев 1920 года. “Армия находится на Урале... Что же ей делать? Вернуться в Петроград? — спрашивал Владимир Ильич... — Паровозы не ходят. Другая армия идет к югу... Там Донецкая область, и мы не можем оттуда взять войска... Чем ребячеством заниматься, подумайте, что сделать. Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: я теперь знаю, что такое дисциплина”. И далее следует: “Мероприятия по восстановлению народного хозяйства, намеченные Центральным Комитетом партии, подверглись ожесточенным нападениям со стороны Троцкого... Троцкий считал, что методы руководства экономикой, сложившиеся в годы военного коммунизма, присущи самой природе социализма”.

А теперь обратимся к полному тексту стенограммы выступления Ленина, откуда видно, что именно глава правительства в категорической форме выступал за милитаризацию экономики.

“Речь Ленина на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 года (стенограмма).

“Товарищи! У меня есть одно чрезвычайно проклятое ремесло, которое состоит в том, что я председательствую в Совнарком, и мне приходится страдать почти на каждом его заседании от отвратительной ведомственной драчки. Наркомпрод петухом сидит на Наркомпути и обвиняет его во всех грехах. Сцены бывают такие, что после многократных испытаний я говорю, что когда-нибудь, после одного из наших заседаний, утоплюсь. Я говорю для того, чтобы указать, что и здесь получилась нелепейшая ведомственная драчка, — и виноват Совнарком. Когда тов. Троцкий говорит, что заменить ВСНХ органами ведомственными — это чепуха, вздор, безумие, можно сказать, что люди это говорят после целого дня, в продолжении которого они имели дело с бюрократической сволочью. Они приходят и говорят такую ведомственную чепуху, что стыдно становится, что приходится тратить на это время. Тов. Троцкий тем хорош, что он этого не делал,

что он свои тезисы закончил таким пожеланием: заведите межведомственные комиссии, что мы и сделали. В своих тезисах он предлагает ЦК дать задание: создайте межведомственные комиссии; не говорите вы, ведомственники и бюрократы, что [мол] мы, ВСНХ, не хуже, чем военное ведомство. Это хороший способ только срывания дешевых хлопков, только он заключает интересы чисто ребяческие, и отвратительное, глупое занятие препираться, кто лучше: ВСНХ или Наркомпрод. Они все негодны.

Кто поднял эту отвратительную ведомственную драчку? Не тов.Троцкий — в его тезисах ничего нет. Poleмику подняли т.т.Ломов, Рыков и Ларин. Каждый из них имеет самое высокое звание — члена президиума ВСНХ. У них есть председатель ВСНХ, который имеет столько чинов, что если бы я захотел всех их перечислить, я бы пять минут потерял из своей десятиминутной речи. Поэтому напрасно говорят, что здесь, как будто бы, проявлена любезность и радушие и несомненный интерес к этому собранию. Интерес проявлен не потому, что выступал тов.Рыков и другие, которые выступали с отвратительной литературской драчкой. Тов.Троцкий поставил вопрос о новых заданиях, а они преподнесли ведомственную полемику с 7-м Съездом Советов. Что же, мы не знаем, что т.т.Ломов, Рыков и Ларин в своей глупейшей статье не сказали этого прямо? Здесь какой-то оратор говорил: нельзя полемизировать с 7-м Съездом Советов. 7-й Съезд Советов сделал ошибку — говорите прямо, поправляйте на собраниях, что это ошибка, а не болтайте о централизации и децентрализации. Тов.Рыков говорит, что о централизации и децентрализации нужно говорить, потому что тов.Троцкий не заметил этого. Человек предполагает, что здесь сидят люди настолько отсталые, что они забыли первые строки тех тезисов тов.Троцкого, которые говорят: “Экономическое хозяйство предполагает общий план...” и т.д. Умеете вы читать по-русски, любезнейшие Рыков, Ломов и Ларин? Вернемся назад, к тому времени, когда вам было по 16 лет, и начнемте болтать о централизации и децентрализации. Это — государственная задача членов коллегии, президиума ВСНХ. Это — такой вздор и жалкий хлам, что стыдно и позорно тратить на это время.

Спор начался тогда, когда мы говорили, в чем состоят новые задачи: вопрос шел о коллегии и об единоначалии. Что ка-

сается коллегиальности и единоначалия — это очень дешево, если мы будем говорить на собраниях рабочих: мы за коллегиальность, а проводить буржуазные принципы. Полемику эту я слышал в Совнаркоме. Это такая глупость, что только в ведомственной драчке можно говорить это. Коллегиальность превращается в болтовню людей, которые сидят на собраниях и разговаривают о том, что единоначалие не есть единственный и достойный способ организации. Конечно, нам нужно, чтобы рабочие учились управлять. Конечно, можно и коллегии научиться. Если не умеют иначе, то пусть остаются в коллегии. Для того, чтобы учиться, не нужно коллегии: берите помощников. Мы будем соединять принцип коллегиальности только для того, чтобы рабочие научились управлять сами, — и принцип единоначалия власти. Коллегия должна быть из 4-5 товарищей, у них помощники. Мы будем иногда употреблять коллегиальность, иногда единоначалие. Коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для отсталых, для неразвитых: пускай покалякают, надоеет — и не будут говорить.

Война дала умение довести дисциплину до максимума и централизовать десятки и сотни тысяч людей, товарищей, которые гибли, чтобы спасти Советскую Республику. Без этого мы все полетели бы к черту. Юденич придет к весне, Антанта готовит, готовит — мы не знаем, что она изготавит.

Я перехожу к вопросу о демобилизации и использовании военных сил для того, чтобы эти военные силы и военный аппарат суметь приспособить для того времени, которое будет. Мы накануне перевала. Ни одна война так не кончалась, что — расходитесь по домам, — и все рады. Демобилизация, пусть все рабочие разъедутся, паек 3-фунтовый получают и т.д. Конечно, собрание, которое знает, какие муки переживают рабочие, как они изголодались — хлопает. Но вы этим дешевые хлопки собираете. Мы все отлично знаем, что голод отчаянный. Но подвезите этот хлеб. Подумайте, что это значит: демобилизация. Кто так говорит — это пустяки, болтовня. Попробуйте демобилизовать 3-ю армию, которая превосходно сделала, что выдвинула свой проект.

Те, кто смеются, те ничего не понимают в современном положении, и неспособны думать. Как бы ни были ошибочны эти проекты — мы разберем в десять минут, но в основном решим так, как это в телеграмме тов. Троцкого было напеча-

тано. Ваша основная мысль заслуживает полного внимания. Армия находится на Урале, на границе Западной Сибири: что же ей делать? Вернуться в Петроград? Она не вернется, паровозы не ходят. Другая армия идет к югу. Десятки миллионов [пудов] соберите. Вы знаете, что нужно собрать 300 миллионов пудов хлеба, а не болтать об экономическом строительстве. Попробуйте собрать эти 300 миллионов пудов. Армия прошла по Западной Сибири, стоит там — и уехать не может. Другая армия прошла к югу от Ростова — уехать не может, потому что там Донская область, и мы не можем оттуда взять войска. Армия входит в Таврическую губернию, берет Мелитополь, где избыток хлеба — ее увести нельзя, потому что там контрреволюционные банды, и хлеб лежит. Об этом никто не думает, о конкретных задачах. Чем ребячеством заниматься, подумайте, что сделать.

Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: я теперь знаю, что такое дисциплина. Там шкурников преследовали и расстреливали. Эта армия тоже с недостатками, ибо в армейском аппарате несколько не меньше глупостей, чем в ВСНХ, в Наркомпути и т.д., и никогда об этом тов. Троцкий не будет писать. Но сейчас это есть аппарат, в котором есть возможность принуждения и дисциплины, и мы говорим: соберем этот хлеб и подвезем, ибо в этом вся наша болезнь. Чтобы собрать 300 миллионов пудов — нужен аппарат. Где он, аппарат? Там, где голодный мужик помогал бы у сытого брать. Мы пришли в губернии сытые. Стыдно говорить об аракчеевщине — это довод дешевого либерализма, это самая дешевая демагогия — называть социалистическую армию, которая развила энтузиазм, как никогда, которая [не] отдала на голодную жертву рабочих Петрограда и Москвы, называть ее дисциплину и организацию аракчеевщиной. До чего мы дошли? Это та же драчка, начатая в Совнаркоме: бери дубину и лупи. Это я имею несчастье видеть на каждом заседании Совнаркома. Это есть не аракчеевщина, а то, чем мы погрешаем и без чего мы не победим.

Если мы Деникина и Колчака победили тем, что дисциплина была выше всех капиталистических стран мира, тов. Троцкий вводил смертную казнь, [что] мы будем одобрять. Он вводил ее путем сознательной организации и агитации коммуни-

стов. Мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десять тысяч белогвардейских офицеров, и этим спасли страну. Эти методы нужно сейчас применить — без этого хлеба не подвезете. Хлеб имеется в избытке только на Украине. Подвезти хлеб мы не можем, чтобы перевести рабочих на хлебный паек, нужно собрать лишнее. Чтобы заниматься строительством, нужно миллионы рабочих двинуть на работы.

Говорят: хорошо, пускай рабочие из армии придут домой. Никто не пойдет, потому что все знают, что здесь голод. Они останутся в сытых местах, в Мелитопольской губернии и т.д., со своими армиями, которые жрут в три раза больше, но если бы армия не жрала, она бы вас не спасла. Надо подумать не о ведомстве ВСНХ, а о всем положении Республики. Вы разве не читали, что Клемансо сказал, что “я Польшу и Румынию двину”? Как же вы демобилизуете армию? Это — болтовня, а не серьезная полемика. Мы небольшую часть демобилизуем, мы остальную должны держать на случай. А для этого как же быть? Петроградские и воронежские рабочие не могут доехать. Если бы они могли доехать, мы бы их демобилизовали.

Люди говорят: я не хочу сидеть в казарме, я хочу помочь строительству. Это смешно, если так относиться к делу, это позор для понимания государственных задач — тут и полемику делать не стоит. Эти люди сделают на местах столько же ошибок, сколько мы в ВСНХ и проч., но они нас вытащат, потому что без них мы хлеба и масла из Челябинска не выведем, там аппарата продовольственного нет, и создать некогда. Вы “Азбукой коммунизма” кулака и бандита не победите, тут нужна сила испытанная. Сегодня армия в Мелитопольской губернии — завтра будет в других местах. Всякий разумный рабочий поймет нас и одобрит. Если хотите полемизировать, критикуйте решения 7-го Съезда, только предупреждаю, что на съезде партии и на любом заседании ЦК побьет нас. Бюрократизм, волокита, расхлябанность — мы боремся против этой расхлябанности и бюрократизма, против них нужно вести войну. Кровавая война окончена, а война бескровная, но настоящая война, с военной дисциплиной и воздействием, с предпочтением того, кто воюет, тому, кто сидит дома — она не окончена. Для того, чтобы вести ее, нужны те армии, которые находятся между Польшей и нами, между Деникиным и нами, на Северном Кавказе. Что с этими армиями

делать? Их демобилизовать? Чепуха и больше ничего. Их надо со всем аппаратом, со всем коммунистическим авангардом пустить на то, чтобы хлеб собрали и подвезли. Если мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять, мы не остановимся и перед этим, и спасем этим страну. (Апелодисменты). (Центральный архив КГБ, ф.1, оп.4, № 133).

Скрываемая долгие десятилетия ленинская речь интересна сама по себе, своими отдельными положениями типа “коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для остальных, для неразвитых: пускай покалякают, надоеет и не будут говорить”, или “нужно собрать 300 миллионов пудов хлеба, а не болтать об экономическом строительстве”. Не удивительно, что вождь болезненно воспринимал обвинение в насаждении аракчеевщины — ибо подобные обвинения были нередки. Так, в ленинском “секретном” фонде хранится выдержка из статьи в английской газете лидера эсеров Виктора Чернова “Революция и контрреволюция” с пометкой вождя: “В архив”: “Октябрьской революции не было. Был октябрьский переворот. Он был преддверием эволюции от Ленина-Пугачева к Ленину-Аракчееву. Он был преддверием драпирующейся в красные цвета, но самой доподлинной контрреволюции”. (ЦПА ИМЛ. ф. 2, оп. 2, д. 493).

В речи — полная солидарность с Троцким и прямое издевательство над председателем президиума ВСНХ Алексеем Рыковым, который высказывался против “продовольственной диктатуры”, за желательность постепенного отхода от драконовских законов “военного коммунизма”.

Не следует думать, что столь высокомерные реплики в адрес Рыкова, Ломова, Ларина не были характерны для главы советского правительства. Член президиума Главлескома ВСНХ С. Либерман записал доверительный рассказ А. Рыкова: “Вот я сижу у руля социалистического строительства, в ВСНХ. Мне Ильич верит — и как все же трудно с ним. Никак нельзя на него положиться на все 100%. Придешь, обсудишь, договоришься, и он тебе скажет: “Выступи, и я тебя поддержу”.

А как только он почувствует, что настроение большинства против этого предложения, он тут же тебя предаст... Владимир Ильич все предаст, от всего откажется, но все это во

имя революции и социализма, оставаясь верным лишь основной идее — социализму, коммунизму...”

Хорошо знавший Ленина еще с начала русской революции 1905-1907 годов старый большевик Александр Нагловский, первый советский торгпред в Италии и один из первых советских “невозвращенцев”, так описывал “демократизм” заседаний ленинского Совнаркома: “У стены, смежной с кабинетом Ленина, стоял простой канцелярский стол, на котором сидел Ленин... На скамейках, стоящих перед столом Ленина, как ученики за партами, сидели народные комиссары и вызванные на заседание видные партийцы. Такие же скамейки стояли у стен... на них так же тихо и скромно сидели наркомы, замнаркомы, партийцы. В общем, это был класс с учителем довольно-таки нетерпимым и подчас свирепым, осаживавшим “учеников” невероятными по грубости окриками, несмотря на то, что “ученики” перед “учителем” вели себя вообще примерно. Ни по одному серьезному вопросу никто никогда не осмеливался выступить “против Ильича”, единственным исключением был Троцкий... Самодержавие Ленина было абсолютным... Обычно во время общих прений Ленин вел себя в достаточной степени бесцеремонно. Прений никогда не слушал. Во время прений ходил. Уходил. Приходил. Подсаживался к кому-нибудь и, не стесняясь, громко разговаривал. И только к концу прений занимал свое обычное место и коротко говорил: “Стало быть, товарищи, я полагаю, что этот вопрос надо решить так!” Далее следовало часто совершенно несвязанное с прениями “ленинское” решение вопроса. Оно всегда тут же без возражений и принималось. “Свободы мнений” в Совнаркоме у Ленина было не больше, чем в совете министров у Муссолини и Гитлера”. Конечно, на партийных форумах царил более демократическая атмосфера, чем на заседаниях в Совнаркоме.

Думаю, что приведенная выше речь вождя еще раз опровергает миф о “добросердечии” Ленина в противовес жестокосердию Троцкого. Д.Волкогоновым впервые в нашей стране опубликовано письмо Ленина Троцкому от 30 августа 1918 г. в связи с поражениями, которые потерпели отдельные части Красной Армии на Восточном фронте. Эта зашифрованная телеграмма была отправлена за несколько часов до

покушения на вождя у завода Михельсона 30 августа 1918 г.: “Свияжск, Троцкому. Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел Вацетиса, как и командарма под Казанью и высших командиров, в случае затягивания и неуспеха действий?..”

Но Троцкий не стал расстреливать Иоакима Вацетиса, который лишь в середине июля 1918 года сменил изменившего большевикам левого эсера М. Муравьева на посту главнокомандующего Восточного фронта. Ведь за несколько недель до этого свирепого ленинского письма именно Вацетис спас большевиков, возглавив в качестве командира Латышской стрелковой дивизии подавление левоэсеровского восстания в Москве, а затем подавлял выступления М. Муравьева. Вацетис не только не был расстрелян, но через пять дней, 4 сентября, назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. Но “особые меры”, рекомендованные Лениным, Троцкий все же применил сполна. Именно по его указанию военно-полевой суд 5-й армии приговорил к расстрелу каждого десятого красноармейца необстрелянного 2-го Петроградского рабочего полка, а также полковых командира и комиссара. В автобиографической книге “Моя жизнь” Троцкий вспоминал, как на заседании политбюро ЦК РКП(б), предположительно в 1919 году, его обвинили в жестокости по поводу этого расстрела. Тогда Троцкий сказал: “Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском, мы не заседали бы здесь в Политбюро”.

“Абсолютно верно, — отозвался, по словам Троцкого, Ленин, и стал что-то быстро писать красными чернилами на типовом бланке Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседание приостановилось, и через две минуты Ленин передал Троцкому чистый бланк, где внизу его рукой было написано: “Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов-Ленин”.

Следует отметить, что указанный бланк с припиской Ленина хранится в ленинском фонде. “Я вам выдам сколько угодно таких бланков”, — сказал Ленин.

И здесь же Троцкий пишет: “Ленин ставил заранее свою подпись под всяким решением, которое я найду нужным шанности в будущем. Между тем от этих решений зависела жизнь и смерть человеческих существ. Может ли вообще быть большее доверие человека к человеку?”

Кровавые расстрелы по всей стране большевики усилили через несколько дней после ранения Ленина, который, придя в себя, незамедлительно телеграфировал Троцкому и Свияжск: “Благодарю. Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, и равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет обрзцово-беспощадное. Лучшие приветы. Ленин” (50; 178).

За какие только проступки ни угрожал Ильич расстрелом! “Я предлагаю назначить следствие и расстрелять виновных в ртотозействе (28/9 враг мог взорвать мост!!!)”. “Раковский требует подлодку. Надо дать 2, назначив **ответственное лицо**, моряка, возложив на него и сказав: расстреляем, если не доставишь скоро”. (“Лен. сб. XXXVII, стр. 104, 183). “Налягте ию всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников” (50;219). Мельничанскому дайте (за моей подписью) телеграмму, что позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку” (50;343). А чего стоила, например, ленинская “наука” Сталину: “Пригрозите расстрелом тому неряхе, который, заведая связью, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной” (51;134).

Претворялись в жизнь и ленинские советы по использованию репрессивного опыта Великой Французской революции. Бывший защитник в революционных трибуналах Сергей Кобяков отмечал: “Новые суды были названы трибуналами (как во время Великой Французской революции). Приговоры этих судов не могли быть обжалованы. Приговор никем не утверждался и должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов...” “Якобинцы” и “Термидор”, “Комиссары” и “Вандея” — Ленин часто примерял к российским событиям лексикон французских революционеров. Но не весь опыт якобинцев нашел применение в российских

условиях. Так, не прижились проведенные после покушения на Ленина публичные расстрелы “врагов народа”. С.Кобяков был свидетелем, как в первых числах сентября 1918 года были расстреляны бывшие царские министры Щегловитов, Хвостов, Пряхин, бывший директор департамента полиции Белецкий, протоиерей Восторгов — всего до 80 заложников: “Расстреляли всех в Петровском парке. Казнь была совершена публично. Чекисты выкрикивали имена казнимых. Указывая на Щегловитова, они кричали: “Вот бывший царский министр, который всю жизнь проливал кровь рабочих и крестьян...” За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но приклады китайцев вогнали его в смертный круг. После расстрела все казненные были ограблены...” В последующие дни массовые казни большевики проводили в чекистских застенках или безлюдных местах.

“Спасать страну” вождь планировал не только новыми расстрелами тысяч россиян, но и тем, что обрекал тысячи наиболее беззащитных своих соотечественников на неизбежную голодную смерть. Чего стоит хотя бы ленинское указание членам Совета обороны РСФСР, последовавшее через две с половиной недели после выступления перед коммунистической фракцией ВЦСПС: “1. Наличный хлебный паек **уменьшить** для неработающих по транспорту; **увеличить** для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена” (40; 81). Одна из основ ленинизма — чтобы “спасти” одних, необходимо погубить других.

Конечно, речь здесь шла не о спасении России, а о спасении власти большевиков. Впрочем, эту идею вождь проводил в разных формах. В самый пик голода, 2 апреля 1921 г., Ленин в циркулярном письме предлагал созвать совещание наркомов “по вопросу об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков...” Увольнению подлежали рабочие “из крестьян, мобилизованных армейцев и т.п.” (52; 125).

Ленин вообще мало заботился о демобилизованных красноармейцах крестьянского происхождения. Так 5 апреля 1921 г. вождь наказывал Г.Зиновьеву: “Надо в корне изменить: переставать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежды, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сей-

час пешком “без ничего”. Либо жди 1 год на 1/8 фунта и без одежды, и без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.18195).

На следующий день политбюро ЦК РКП(б), заботясь об экономии на транспорте на обслуживании демобилизуемых крестьян, приняло постановление: “Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не везти демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением...”

Многие мысли из речи 12 января 1920 г. Ленин повторил, хотя и в не столь откровенной форме, ровно два месяца спустя в докладе о международном и экономическом положении России на XVII Московской губернской конференции РКП(б) 13 марта 1920 г. В этом докладе много неправды. И будто Деникин — помещик, в то время как тот был сыном крестьянина. И будто “Керенский с меньшевиками и эсерами” проводили политику непризнания самоопределения Польши. И что в мире “нет ни одной страны... где бы рабочие не стояли на стороне Советской власти”. Вот отдельные цитаты из этого доклада: “Мы находимся в предсмертной схватке с нашим смертельным врагом, и кто не за нас, тот против нас” (выделено мною — *А.Л.*). “Война кончена на фронте кровавом, война продолжается на фронте бескровном. Эта война такая[же] беспощадная, жестокая, как всякая другая война, и тут ни сомневаться и ни рассуждать некогда, и мы этого не допустим...”, “кто мешает, мы того устраним”.

Много в этом докладе критики “коллегиальности”: “...в попросах коллегиальных мы говорим, что мы должны стать опираясь на единство пролетариата”; “опасность будет в том, что коллегиальность будет потерей времени на рассуждения”; “пусть не будет у нас ни малейшей потери времени, ни малейшего колебания.., ни малейшей расплывчатости, неопределенности, которые часто бывают в коллегии, этого мы допустить не должны”.

Но главная мысль вождя в этой речи — милитаризация народного хозяйства: “Мы имеем большие армии, больше, чем нужно, но не можем ни распустить их, ни быстро перебросить на необходимый фронт. Поэтому нужно их использовать... милитаризация труда является невыдуманной, она является необходимостью, продиктованной крайней степе-

нью разорения... иначе, как милитаризацией, военной доблестью, военной концентрацией сил, нам из кризиса не выйти". (Лен. сб. XXXVIII, стр. 293-303).

Само собой разумеется, что ленинская политика милитаризации неминуемо должна была привести к использованию красноармейских штыков и в отношениях с соседями, об этом неприкрыто говорил вождь в политическом отчете на IX партийной конференции 22 сентября 1920 г.: "...период оборонительной войны кончился (я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать)... И в то время мы Керзону ответили: "Вы ссылаетесь на "Лигу Наций". Но что такое "Лига Наций"? Она плевка не стоит. Еще вопрос, кто решит судьбу Польши. Вопрос может решиться не тем, что скажет "Лига Наций", а тем, что скажет красноармеец".

Не имеют под собой никакой почвы утверждения, будто вождь выступал за милитаризацию народного хозяйства лишь на период гражданской войны. Достаточно привести выдержки по "вопросу о хозяйственном использовании армии" из его письма Э.Склянскому от 30 мая 1921 г.: "План электрификации, рассчитанный (первую очередь работ) на 10 лет, требует 370 миллионов рабочих дней. В год это дает на одного человека из армии (37:1,6)=24 рабочих дня, т.е. **два дня в месяц**. Конечно, условия размещения армии, перевозка на места работы и пр. и пр. создадут тьму трудностей, но все же армия может и должна (**при помощи всеобуча**) оказать громадную помощь делу электрификации. К великому этому делу надо армию привязать — и идейно, и организационно, и хозяйственно — и работать над ним систематично" (52; 229-230).

Напомним, что основными оппонентами Ленина, призывавшими перейти от политики "военного коммунизма" к новой экономической политике, были во второй половине 1919 — начале 1920 года не "мягкие" большевики типа Рыкова или Ломова, а руководители меньшевиков и эсеров. Как свирепел Ильич, доказывая, что "даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз **колчаковские** идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее" (39; 156-157).

Выступавший за “свободу печати” уральский большевик Г. Мясников в начале 1922 года был исключен из партии, а 5 августа 1921 г. вождь в письме к нему растолковывал: “Мы ищут “чистой демократией” смеемся... Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу “свободы печати” мы выполняли и выполняем лучше всех в мире” (44; 78-79). Что правда, то правда — нигде в мире не утвердилась такая односторонняя информация, как в Советском Союзе.

Доставалось от вождя и зарубежной социал-демократии: “какой безграничной теоретической нелепостью, каким тушью является ходячее, мелкобуржуазное представление о переходе к социализму “через демократию” вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала” (39; 281).

Но особое бешенство вождя вызывал тот непреложный факт, что “крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление: “Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать” — так рассуждает крестьянин, по привычке, по старинке. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу, — это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало” (39; 315).

Ленин упорно, до предельных возможностей отстаивал методы “военного коммунизма”. Даже Троцкий значительно раньше него начал выступать за необходимость новой экономической политики. Это подтверждается рядом документов, в том числе и воспоминаниями самого Троцкого “Моя жизнь”:

“Зимние месяцы 1919-1920 гг. я провел на Урале, где руководил хозяйственной работой. Ленин по телеграфу обратился ко мне с предложением: взять на себя руководство транспортом и попытаться поднять его при помощи исключительных мер. Я ответил с пути согласием.

С Урала я привез значительный запас хозяйственных наблюдений, которые резюмировались одним общим выводом: надо отказаться от военного коммунизма. Мне стало на прак-

тической работе совершенно ясно, что методы военного коммунизма, навязывавшиеся нам всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя, и что для подъема хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок. Я представил центральному комитету проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введения товарообмена... В начале 1920 года Ленин выступил решительно против этого предложения. Оно было отвергнуто в центральном комитете одиннадцатью голосами против четырех. Как показал дальнейший ход вещей, решение ЦК было ошибочно. Я не перенес вопроса на съезд, который прошел полностью под знаком военного коммунизма. Хозяйство еще целый год после того билось в тупике. Мои разногласия с Лениным выросли из этого тупика”.

Меня сегодня просто поражает, когда некоторые серьезные исследователи ставят введение нэпа в заслугу Ленину. Да ведь он судорожно держался за “военные методы” до конца! Когда уже несколько месяцев на Тамбовщине под руководством А.Антонова бушевало восстание крестьянства, не выдерживавшего большевистского грабежа, в разгар Кронштадтского восстания, правда о котором раскрывается лишь в наши дни, вождь в речи на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г. еще вел “арьергардный бой” против сторонников новой экономической политики, заклиная: “Свобода торговли, даже если она в начале не связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно” (43; 25).

Правда, когда нэп был уже “объявлен”, Ленину пришлось укрощать еще более фанатичных приверженцев “военного коммунизма”, чем был он сам. Но хотя и пришлось уступить в экономике — Ленин продолжал отстаивать методы террора в управлении страной. И через семь месяцев после X съезда партии в речи “Новая экономическая политика и задачи политпросветов” он утешал аудиторию: “Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой” (44; 165).

Но что для Ленина означало внедрение “осадой и сапой” новой экономической политики — при сохранении его никогда не менявшихся установок на террор, аресты, расстрелы? Вдумаемся, как представлял себе вождь восстановление рыночных отношений в Советской России в начале 1922 года. Указывая Григорию Сокольникову — в тот период фактическому руководителю народного комиссариата финансов — на необходимость со стороны наркомата “установить действительный, реальный контроль и проверку” трестов и предприятий, Ленин разъяснял: “Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть, с применением по истечении срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т.д.” (54; 150).

В том же духе спустя десять дней Ленин напоминал Сокольникову: “Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за **убыточное** ведение дела? Не спит ли у нас НКюст? Тут нужен ряд **образцовых** процессов с применением **жесточайших** кар. НКюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует **новых** способов **новой жестокости** крр” (54; 160).

И 3 марта 1922 г. глава правительства разъясняет своему заместителю Л. Каменеву: “Величайшая ошибка думать, что **нэп** положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому” (44; 428).

И появился в застенках ЧК новый “контингент”: неудачники-члены разного рода правлений — “за неправильную отчетность”, “за убыточное ведение дел”.